

УДК 343.7

DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(2).291-299

КОНЦЕПЦИЯ СВОБОДЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА

Е.М. Якимова

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

2 февраля 2018 г.

Дата принятия в печать

8 апреля 2019 г.

Дата онлайн-размещения

26 апреля 2019 г.

Ключевые слова

Мошенничество;
предпринимательская деятельность;
ограничение прав; уголовно-
правовое принуждение; уголовный
закон; уголовная ответственность

Аннотация. Рассмотрение вопросов, связанных с анализом рисков предпринимательской деятельности, актуализируется поиском решения проблемы квалификации действий предпринимателей по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации о мошенничестве. Кроме того, с развитием технологий увеличивается число случаев мошенничества в цифровой сфере, что ставит вопрос о необходимости определения основных характеристик мошеннических действий с учетом изменений в экономическом укладе общества, предусматривающих цифровую трансформацию отдельных отраслей мировой экономики вообще и российской экономики в частности, социальной сферы, особенностей государственного управления отдельными сферами жизнедеятельности. Оператность поведения законодателя, проявляющего активность в изменении группы статей Уголовного кодекса Российской Федерации, касающихся правовой характеристики мошенничества, показывает наличие проблем в законодательном регулировании рассматриваемой сферы, что вызвано, как представляется, попыткой оценить степень свободы предпринимательской деятельности, а также степень участия каждой из сторон правоотношения в риске инвестирования. Анализ законодательства, правоприменительной практики, статистических данных дает основания полагать, что большая часть проблем композиции правового понимания мошенничества в предпринимательской деятельности связана не с наличием противоречий в правовом регулировании, а с несовершенством правоприменительной практики, превалированием репрессивной методологии в оценке действий предпринимателей, внутренним убеждением сотрудников правоохранительных органов в наличии у предпринимателя умысла на получение отрицательных результатов любой предпринимательской, и прежде всего инвестиционной, деятельности. В работе высказывается мнение о том, что дальнейшее совершенствование Уголовного кодекса Российской Федерации не даст значительных результатов, что говорит о значительной трансформации статей о мошенничестве в течение последних 15 лет. Изменение практики применения статей уголовного закона о мошенничестве возможно лишь при проработке принципов такой деятельности Верховным Судом Российской Федерации, который в настоящее время уделяет данному вопросу большое внимание, однако некоторые положения Пленума Верховного Суда Российской Федерации требуют дальнейшего осмысления и совершенствования.

THE CONCEPT OF FREEDOM OF ENTERPRISE THROUGH THE PRISM OF CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF FRAUD

Yekaterina M. Yakimova

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2018 February 2

Accepted

2019 April 8

Available online

2019 April 26

Keywords

Fraud; business activity; restriction
of rights; criminal law coercion; criminal
law; criminal liability

Abstract. The research of issues connected with the analysis of business risks is relevant because of the problem of qualifying the actions of entrepreneurs under the fraud-related Articles of the Criminal Code of the Russian Federation. Besides, the development of technologies increases the number of frauds in the digital environment, which makes it necessary to determine key features of fraudulent actions connected with the changes in the economic organization of the society connected with the digital transformation of some branches of the world economy in general and Russian economy in particular, of the social sphere, and of the specifics of public administration of some areas of life. The responsiveness of lawmakers manifested in amending a group of Articles in the Criminal Code of the Russian Federation regarding the legal characteristics of fraud, shows that there are some problems in the legislative regulation of this sphere. The author believes that they are caused by an attempt to assess the degree of freedom

of enterprise and the degree of involvement of each side of legal relations in the risk of investment. The analysis of legislation, the law enforcement practice, statistical data give reason to believe that most of the problems of legislative understanding of fraud in entrepreneurship are not connected with contradictions in the legal regulation, but rather with the drawbacks of the law enforcement practice, the prevalence of repressive methodology in classifying the actions of entrepreneurs and the inner conviction of the law enforcement employees that entrepreneurs intentionally strive to obtain negative results in any, and primarily entrepreneurial, activities. The author argues that further improvement of the Criminal Code of the Russian Federation will not yield any tangible results, which testifies to a considerable transformation of the fraud-related Articles in the last 15 years. Changes in the practice of enforcement of the criminal law's articles regarding fraud are only possible after the principles of such work are worked out by the Supreme Court of the Russian Federation, who at present pays much attention to this issue, although some clauses of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation require further analysis and improvement.

Несмотря на то что уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере предпринимательской деятельности осуществляется различными способами, отдельные ее элементы вызывают споры среди теоретиков [1; 2], а также проблемы правоприменения [3; 4]. Одним из таких правовых явлений выступает «предпринимательское» мошенничество, что связано как с юридическим наполнением данного термина, так и с проблемами ограничения мошенничества в сфере предпринимательской деятельности от общего состава мошенничества. Однако стоит учитывать, что проблема возникает в связи с несовершенством не только уголовного законодательства, но и самой композиции правового пространства, в которой четко не определено соотношение свободы предпринимательской деятельности и защиты публичных и частных интересов.

Исходя из концепции свободы предпринимательской деятельности, основная ее цель заключается в получении прибыли, однако данная деятельность сопряжена с рисками как объективного, так и субъективного характера [5, р. 127]. Неуспешность какого-либо проекта также может быть вызвана действиями владельца бизнеса (предпринимателя), направленными на получение прибыли не от самой деятельности, а от вкладов в его проект инвесторов. В данном случае предприниматель изначально осознает, что вероятность того, что он сможет вернуть вложенные инвесторами денежные средства, невелика, однако его задачей является прежде всего получение денежных средств, а не репродуцирование прибыли, которую он поделит между собой и инвестором. В таких ситуациях предприниматель совершает обман, уголовный закон квалифицирует его действия как мошенничество. Вместе с тем «неполучение денежных

средств инвестором обратно от владельца бизнеса или их получение в меньшем объеме можно рассматривать как риск инвестирования» [6, с. 203]. Кроме того, с развитием технологии блокчейн появились новые финансовые инструменты [7, р. 53], однако, как отмечают многие экономисты, например группа исследователей из Принстонского университета, «риски получить убыток по криптовалютам значительны: от изменения их стоимости до их похищения через сеть Интернет» [8, р. 289].

Таким образом, провести грань между неправомерными действиями и риском инвестирования достаточно сложно, что приводит к проблеме квалификации деяний предпринимателя — владельца бизнеса. Вместе с тем следует учитывать, что свобода предпринимательской деятельности ограничена, она не абсолютна. Однако предприниматели, так же как и их контрагенты, имеют права и гарантии [9, р. 211], что должно обеспечивать их возможности осуществлять предпринимательскую деятельность свободно на основе установления презумпции их добросовестности.

Анализ положений Уголовного кодекса РФ в части установления уголовной ответственности за мошеннические действия, а также правоприменительной практики показывает, что обозначенная презумпция добросовестности в полной мере не реализуется, что позволяет различным субъектам оказывать неправомерное давление на предпринимателей путем необоснованного их привлечения к уголовной ответственности либо неверной квалификации совершенных ими деяний.

В настоящее время уголовно-правовая характеристика мошенничества определяется ст. 159 УК РФ. Помимо простого «бытового» мошенничества можно говорить о «предпринима-

тельском» мошенничестве (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, до вступления в силу постановления Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П действовала специальная статья 159.4 УК РФ «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности»). В настоящее время «предпринимательское» мошенничество «является частью основного состава мошенничества» [10, с. 98].

Прежде чем рассматривать вопрос о разграничении данных составов, обратимся к статистике, показывающей состояние преступности в России. В январе — декабре 2017 г. наблюдается общее снижение количества возбужденных уголовных дел: 2 058,5 тыс. преступлений, или на 4,7 % меньше, чем за аналогичный период 2016 г. Исследование статистики возбужденных по ст. 159 УК РФ уголовных дел показывает, что количество возбужденных по факту мошенничества дел за 2017 г. увеличилось на 6,6 % и составило 222,8 тыс. преступлений¹. Таким образом, при общем снижении уровня преступности количество мошенничеств увеличивается, причем такая тенденция наблюдается с 2013 г. (рис.).

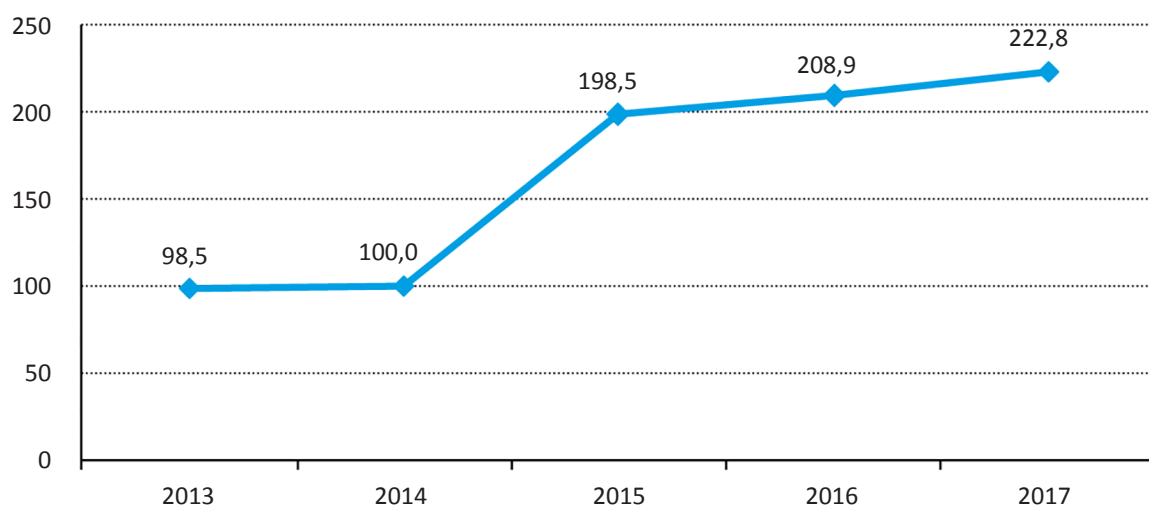
Таким образом, при снижении общего уровня преступности уровень мошенничества за последние пять лет вырос.

Что касается структуры мошенничества, то можно отметить следующее: большинство дел

возбуждается за «предпринимательское» мошенничество. Так, Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Б. Титов отмечает, что в 2016 г. возбуждено 187 тыс. уголовных дел против предпринимателей, однако дела против предпринимателей могут быть возбуждены и за простое «бытовое» мошенничество, и за «предпринимательское» [11].

Отметим, что при возбуждении уголовного дела по факту простого «бытового» мошенничества следователь или дознаватель может подать в суд ходатайство о назначении судом в качестве меры пресечения заключения под стражу, при возбуждении дела о «предпринимательском» мошенничестве заключение под стражу как мера пресечения не назначается, что следует из ч. 1 ст. 108 УПК РФ и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» от 19 декабря 2013 г. № 41. Как отмечает Верховный Суд РФ, необходимо установить, в какой сфере деятельности совершено преступление. В п. 8 обозначенного постановления Пленума Верховного Суда РФ содержится правило определения преступлений в сфере предпринимательской деятельности: «Преступления, предусмотренные ст. 159–159.6, 160 и 165 УК РФ, следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они

¹ Состояние преступности в России в январе — декабре 2017 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987>.

Динамика количества зарегистрированных по ст. 159–159.6 УК РФ преступлений в 2013–2017 гг., по информации МВД России, тыс.

Dynamics of the number of crimes registered under Art. 159–159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation in 2013–2017, according to information from the Russian Ministry of the Interior, th.

совершены лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность самостоятельно или участвующим в предпринимательской деятельности, осуществляемой юридическим лицом, и эти преступления непосредственно связаны с указанной деятельностью. К таким лицам относятся индивидуальные предприниматели в случае совершения преступления в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим им имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также члены органов управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности»².

Иными словами, квалификация деяния лица как простое «бытовое» или «предпринимательское» мошенничество является важным для определения применимой в отношении него меры пресечения.

Несомненно, наличие защиты предпринимателей от применения к ним меры пресечения в виде заключения под стражу является позитивным, однако правоприменительная практика знает немало случаев, когда указанная гарантия не была реализована. В таких ситуациях дело в отношении предпринимателя возбуждалось по ч. 4 ст. 159 УК РФ как простое «бытовое» мошенничество, следовательно, могло быть подано ходатайство о заключении под стражу, которое судом удовлетворялось. В подобных случаях сотрудники правоохранительных органов выполняли по сути функции коллекторов, заставляя предпринимателя выплатить потерпевшему сумму причиненного ущерба, либо действовали из коррупционных побуждений. Выбирая между свободой и стремлением доказать свою невиновность, предприниматель соглашался с предъявленными обвинениями, выплачивал потерпевшему требуемую сумму, в связи с чем ему изменялась мера пресечения. Следовательно, возможность заключения под стражу оказывала дополнительное воздействие на предпринимателя, которое законным признать нельзя. Действительно, нормы УК РФ и УПК РФ могут

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 19 дек. 2013 г. № 41 // Российская газета. 2013. 27 дек.

толковаться различно, что ставит под сомнение их действенность. Т. Аллан отмечал, что охрана прав нуждается не только в наличии законодательных норм, но и в «последовательном применении правильных правовых принципов к конкретным случаям» [12, р. 1].

В научном сообществе ведется полемика о критериях разграничения «простого» и «предпринимательского» мошенничества. Так, А.А. Южин, проводя аналогию с законодательством Великобритании, отмечает, что разграничение производится по субъекту преступления, при этом он указывает, что «субъект этого преступления должен трактоваться широко и исходить из природы предпринимательской деятельности. К субъектам данного деяния должны относиться лица, не зарегистрированные в установленном порядке в качестве индивидуальных предпринимателей, к которым, в случае неисполнения обязательств, по гражданскому законодательству могут применяться меры как к индивидуальным предпринимателям. Равным образом субъектами должны считаться члены органов управления некоммерческой организации, но лишь в допустимых пределах осуществляемой ими предпринимательской деятельности в соответствии со ст. 50 ГК РФ» [13, с. 30–31].

М.В. Веремеенко указывает на то, что при разграничении «простого» и «предпринимательского» мошенничества важен объект преступного посягательства, обосновывая свою позицию тем, что мошеннические действия в такой ситуации направлены против отношений собственности. «Такая направленность позволяет выделить признаки, индивидуализирующие отношения собственности как непосредственный объект мошенничества в сфере предпринимательской деятельности по отношению к родовому объекту преступлений против собственности» [14, с. 47]. А.М. Гармаш также говорит о необходимости разграничения рассматриваемых составов по объекту, указывая, что «необходимым признаком отнесения мошенничества к разряду «предпринимательского» является то, что эти преступления совершаются непосредственно в процессе осуществления предпринимательской деятельности либо под ее видом» [15, с. 163].

Думается, что здесь нужен комплексный подход. В связи с указанными выше обстоятельствами представляется важным четко определить, что является мошенничеством «простым» и мошенничеством «предпринимательским».

Первый критерий разграничения возможен по сути самой деятельности. Несмотря на споры о признаках предпринимательской деятельности, обозначенных в ГК РФ, можно выделить различные действия субъектов права, которые можно квалифицировать как предпринимательскую деятельность. Обобщая различные точки зрения по данному вопросу, стоит признать справедливым мнение о том, что «о наличии признаков предпринимательской деятельности могут свидетельствовать, в частности, такие факты, как: изготовление или приобретение имущества с целью последующего извлечения прибыли от его использования или реализации, хозяйственный учет операций, связанных с осуществлением сделок, взаимосвязанность всех совершенных в определенный период времени сделок, устойчивые связи с продавцами, покупателями, прочими контрагентами» [16, с. 116].

Комплексностью подхода отличается вывод А.П. Горелова, указывающего, что «предпринимательство как нормативно регулируемый вид деятельности содержит содержательные и формальные признаки. К первым относятся самостоятельность осуществления деятельности в указанных законодателем формах, риск субъекта предпринимательства, а также направленность, цель деятельности, заключающаяся в систематическом получении прибыли, а ко вторым — требование регистрации этой деятельности и требование ее лицензирования в определенных законом случаях» [17, с. 8].

Также следует учитывать объективную сторону деяния, поскольку чаще всего при мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности речь идет о неисполнении или ненадлежащем исполнении договорных обязательств [18, с. 92]. При этом не важно, в письменной или устной форме выражены договорные отношения [19, с. 175].

Третий критерий разграничения мошенничества можно провести по субъектному составу. Анализ российского законодательства и правоприменительной практики показывает, что «лица, совершившие мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, признаются таковыми только при наличии у них признаков специального субъекта» [20, с. 41], однако возникают сложности не только с субъектами самого преступления, но и субъектным составом правоотношения, которое будет защищаться нормами уголовного закона в случае совершения «предпринимательского» мошен-

ничества. Если обе стороны правоотношения являются коммерческими юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями, то мошенничество признается предпринимательским. Сложности возникают при квалификации мошенничества в ситуациях, когда только одна сторона правоотношения предприниматель (коммерческая организация или индивидуальный предприниматель), а другая сторона не осуществляет предпринимательскую деятельность (физическое лицо, не обладающее статусом индивидуального предпринимателя, орган публичной власти, некоммерческая организация). С одной стороны, устоявшимся является мнение о том, что «потерпевшими от преступных проявлений предпринимательского мошенничества, предусмотренных ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, выступают исключительно субъекты предпринимательской деятельности» [21, с. 182]. С другой стороны, на наш взгляд, в силу ст. 2 ГК РФ однозначно утверждать, что такие отношения не стоит рассматривать через призму предпринимательской деятельности, нельзя, следовательно, осуществляемые предпринимателем продажа товара, выполнение работ или оказание услуг непредпринимателям, по смыслу ГК РФ, также являются отношениями в сфере предпринимательской деятельности.

Четвертый критерий разграничения требует внимательного изучения субъективной стороны преступления, прежде всего умысла, поскольку «большинство трудностей в процессе доказывания возникают именно на стадии определения субъективной стороны, что вполне понятно, так как доказать умысел и намерения лица крайне сложно» [22, с. 94]. При определении мошенничества в процессе осуществления предпринимательской деятельности А.П. Горелов четко обозначает характеристики прежде всего субъективной стороны рассматриваемого преступления: «Виновный, заведомо вопреки обусловленным гражданским законом положениям договора (объективный элемент противоправности), обманув собственника (законного владельца), то есть введя его в заблуждение относительно своих истинных намерений (субъективный элемент противоправности), заключающихся, в действительности, в заведомом неисполнении взятых на себя обязательств, то есть в неперечислении за товары определенных договором средств, в непередаче товаров за полученные средства, в невозврате кредитов и т.д., безвозмездно (без соответствующего эквивалентного

возмещения) с целью корыстного завладения имуществом контрагента в виде товаров либо денежных средств (то есть желая распорядиться им как своим собственным) изымает это имущество в свою пользу либо в пользу других лиц. При этом указанные действия должны по замыслу виновного неизбежно влечь причинение собственнику ущерба» [17, с. 10]. На практике достаточно часто можно наблюдать формальность в определении умысла на совершение «предпринимательского» мошенничества. Упрощая конструкцию умысла, правоприменитель руководствуется следующей логикой: «Предприниматель принимает на себя риск, следовательно, невозможность исполнения обязательства обусловлена наличием умысла на невыполнение обязательства». Такой подход нельзя признать оправданным. Формулировка умысла «предпринимательского» мошенничества может быть следующей: индивидуальный предприниматель или представитель юридического лица при осуществлении предпринимательской деятельности, изначально понимая, что не сможет исполнить обязательства, заключает договор, однако обязательства не исполняет.

Таким образом, дифференциация «бытового» и «предпринимательского» мошенничества «просто необходима» [23, с. 181]. Проблемы разграничения простого «бытового» и «предпринимательского» мошенничества лежат в области собственно соотношения указанных деяний и связаны с неоднозначностью трактовки предпринимательской деятельности и определения ее субъектного состава в уголовном законе и правоприменительной практике.

На основании изложенного можно сделать следующие обобщенные выводы. В настоящее время проблемы, возникающие при осуществлении предпринимательской деятельности, все чаще стали решаться через призму возбуждения уголовных дел, хотя есть и другие способы восстановления прав сторон договора (гражданский, арбитражный процесс). Выбор средств уголовно-правового воздействия происходит с учетом психологического воздействия на предпринимателя. Кроме прочего, нерешенной проблемой уголовного процесса в целом, влияющей на производство по уголовным делам, в том числе о «предпринимательском» мошенничестве, является отсутствие реальной состязательности процесса, о чем свидетельствует и низкий процент оправдательных приговоров. Кроме того, привлечь к ответственности сле-

дователя или дознавателя, который незаконно возбудил уголовное дело в отношении предпринимателя, достаточно сложно, в частности по причине того, что не только он был задействован в процессе движения уголовного дела.

В целях решения обозначенной проблемы целесообразно действовать по следующим направлениям. Во-первых, нужно решить вопрос о необходимости дальнейшего совершенствования положений ст. 159–159.6 УК РФ. Стоит признать, что и в данной ситуации нормы УК РФ являются «основным рабочим инструментом противодействия криминальным проявлениям в сфере экономики» [24, с. 32]. Вместе с тем представляется правильным временно прекратить процесс изменения уголовного закона в части корректировки рассматриваемых норм с переносом внимания на совершенствование правоприменительной практики. Многочисленные изменения, произошедшие за последние 15 лет в УК РФ, не прояснили вопрос о сущности и признаках «предпринимательского» мошенничества. Обозначенные Конституционным Судом России претензии к норме ст. 159.4 УК РФ в связи с тем, что «был допущен некритичный подход к формулированию уголовно-правовых норм» [25, с. 46], в установленный срок законодателем устранены не были, что свидетельствует об отсутствии четкого представления о том, как с учетом замечаний Конституционного Суда РФ должна выглядеть норма ст. 159.4 УК РФ. Возможно, причины того, что уголовный закон в полной мере реализует те задачи, которые ставил законодатель перед практикой, кроются «в определенном отходе от понятийного принципа изложения уголовно-правового запрета, свойственного закону, где число норм ограничено, в пользу казуистического формулирования таких запретов, являющегося результатом возобладавшей тенденции специализации общих норм Особенной части уголовного закона» [17, с. 3–4], что обусловило возможность применения норм УК РФ о мошенничестве в различных вариантах.

Во-вторых, представляется целесообразным уделить большое внимание совершенствованию правоприменительной практики. Верховному Суду РФ следует уточнить детали привлечения к уголовной ответственности за «предпринимательское» мошенничество, дополнительно рассмотреть целесообразность применения существующей формулы понимания субъектного состава предпринимательских правоотношений (формулировка о том, что

сторонами предпринимательской сделки могут быть только индивидуальные предприниматели или коммерческие юридические лица, но не физические лица, не являющиеся предпринимателями, или органы публичной власти, не представляется корректной с точки зрения понимания предпринимательской деятельности).

В-третьих, вместо использования механизма возбуждения уголовных дел за простое «бытовое» мошенничество вместо «предпринимательского» мошенничества с целью получения возможности подачи ходатайства об избрании в

отношении лица заключения под стражу в качестве меры пресечения следует больше использовать механизм освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. Для этого необходимо в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ внести указание о применении данной статьи в отношении ст. 159 УК РФ и «предпринимательского» мошенничества, отметив, что лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное в том числе ст. 159 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если выполнено условия, установленные в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агильдин В.В. Уголовно-правовые меры, направленные на борьбу с незаконным оборотом алкогольной продукции / В.В. Агильдин // Уголовному кодексу Российской Федерации 20 лет: история и современность : материалы межрегион. науч.-практ. круглого стола, Иркутск, 22 февр. 2017 г. / под ред. И.М. Середы, Ю.Н. Румянцевой. — Иркутск, 2018. — С. 4–8.
2. Смолькова И.В. О стратегии современного российского уголовного судопроизводства / И.В. Смолькова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 4. — С. 37–43.
3. Корнакова С.В. Справедливость обвинительного приговора: определение критериев / С.В. Корнакова, В.А. Щербakov // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2017. — № 2 (40). — С. 125–131.
4. Хитрова Т.И. Автоматизированная система поддержки принятия решений как инструмент оценки факта страхового мошенничества / Т.И. Хитрова // Известия Байкальского государственного университета. — 2017. — Т. 27, № 2. — С. 286–291. — DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).286-291.
5. Ilyichev V. Estimation of Indicators of Ecological Safety in Civil Engineering / V. Ilyichev [et al.] // Procedia Engineering. — 2015. — № 117. — P. 126–131.
6. Проблемы экономической безопасности: поиск эффективных решений / под ред. А.В. Карпушкиной. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2017. — 269 с.
7. Kakushadze Z. CryptoRuble: From Russia with Love / Z. Kakushadze, J.K.-S. Liew // Risk. — 2018. — Jan. — P. 53–54.
8. When the cookie meets the blockchain: Privacy risks of web payments via cryptocurrencies / S. Goldfeder [et al.] // Proceedings of the 24th International Conference on World Wide Web, Florence, Italy, 18–22 May, 2015. — Republic and Canton of Geneva, Switzerland, 2015. — P. 289–299.
9. Casalini B. Popular sovereignty, the rule of law, and the «rule of judges» in the United States / B. Casalini // The Rule of Law History, Theory and Criticism / ed. by P. Costa, D. Zolo. — The Netherlands : Springer, 2007. — P. 210–218.
10. Городова О.Н. Проблемы применения и толкования норм уголовного закона о мошенничестве / О.Н. Городова // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. — 2016. — № 5. — С. 97–100.
11. Марданшин Р. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности: история и вызовы [Электронный ресурс] / Р. Марданшин. — Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/360905>.
12. Allan T.R.S. In Defence of the Common Law Constitution: Unwritten Rights as Fundamental Law / T.R.S. Allan // The Law, Society and Economy Working Papers. — 2009. — № 5. — P. 1–8.
13. Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.А. Южин. — М., 2016. — 35 с.
14. Веремеенко М.В. Объект мошенничества в сфере предпринимательской деятельности / М.В. Веремеенко // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2014. — № 4 (14). — С. 44–49.
15. Гармаш А.М. О мошенничестве в предпринимательской деятельности / А.М. Гармаш // Пробелы в российском законодательстве. — 2012. — № 3. — С. 162–165.
16. Кадников Б.Н. К вопросу о понятиях «предпринимательская деятельность» и «предприниматель» в нормах уголовного закона / Б.Н. Кадников // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 12. — С. 115–119.
17. Горелов А.П. Уголовно-правовая охрана сферы предпринимательской деятельности как направление обеспечения экономической безопасности России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.П. Горелов. — М., 2004. — 340 с.
18. Мирончик А.С. Неисполнение договорных обязательств как признак мошенничества в сфере предпринимательской деятельности / А.С. Мирончик, А.А. Боровков // Журнал российского права. — 2017. — № 3 (243). — С. 92–100.
19. Степанов М.В. Противоречия в механизме уголовно-правовой охраны собственности от мошеннических посягательств, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности / М.В. Степанов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 1 (29). — С. 174–178.
20. Веремеенко М.В. Субъект мошенничества в сфере предпринимательской деятельности / М.В. Веремеенко // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2015. — № 1 (15). — С. 39–45.
21. Ляпунова А.В. Актуальные проблемы правового регулирования стадии возбуждения уголовных дел о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности / А.В. Ляпунова // Вопросы российского и международного права. — 2017. — Т. 7, № 5А. — С. 179–187.
22. Котанджян О.А. Мошенничество в предпринимательской сфере: проблемы правоприменения и доказывания / О.А. Котанджян, И.А. Кучерков // Вестник Владимирского юридического института. — 2015. — № 3 (36). — С. 93–96.

23. Красников А.С. Новые статьи о мошенничестве: прогноз правоприменения / А.С. Красников // Вестник Омского университета. Сер.: Право. — 2013. — № 4 (37). — С. 179–182.

24. Александрова И.А. Уголовно-процессуальная реформа как компонент изменения уголовной политики противодействия мошенничеству в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности / И.А. Александрова, Д.И. Ураков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 3 (31). — С. 32–35.

25. Гармышев Я.В. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности: социально-правовая природа уголовной ответственности, перспективы законодательной регламентации / Я.В. Гармышев, В.И. Кузнецов // Сибирский юридический вестник. — 2017. — № 3. — С. 46–53.

REFERENCES

1. Agildin V.V. Criminal law measures aimed at counteracting illegal trade in alcohol. In Sereda I.M., Rumyantseva Yu.N. (eds.). *Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii 20 let: istoriya i sovremennost'. Materialy mezhtsebnogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola, Irkutsk, 22 fevralya 2017 g.* [The Criminal Code of the Russian Federation is 20 years old: History and Modernity. Materials of a Round Table, Irkutsk, February, 22, 2017]. Irkutsk, 2018, pp. 4–8. (In Russian).

2. Smolkova I.V. Strategy of the Modern Russian Criminal Proceedings. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*, 2017, no. 4, pp. 37–43. (In Russian).

3. Kornakova S.V., Shcherbakov V.A. The justice of the conviction: defining the criteria. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2017, no. 2 (40), pp. 125–131. (In Russian).

4. Khitrova T.I. Automated Decision Support System as an Instrument of Insurance Fraud Assessment. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 286–291. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).286-291. (In Russian).

5. Ilyichev V., Emelyanov S., Kolchunov V., Bakayeva N., Kobeleva S. Estimation of Indicators of Ecological Safety in Civil Engineering. *Procedia Engineering*, 2015, no. 117, pp. 126–131.

6. Karpushkina A.V. (ed.). *Problemy ekonomicheskoi bezopasnosti: poisk effektivnykh reshenii* [Problems of Economic Security: Searching for Effective Solutions]. Chelyabinsk, South Ural State University Publ., 2017. 269 p.

7. Kakushadze Z., Liew J.K.-S. CryptoRuble: From Russia with Love. *Risk*, 2018, January, pp. 53–54.

8. Goldfeder S., Kalodner H., Reisman D., Narayanan A. When the cookie meets the blockchain: Privacy risks of web payments via cryptocurrencies. *Proceedings of the 24th International Conference on World Wide Web*. Florence, Italy, 2015, May, 18–22. Republic and Canton of Geneva, Switzerland, 2015, pp. 289–299.

9. Casalini B. Popular sovereignty, the rule of law, and the «rule of judges» in the United States. In Costa P., Zolo D. (eds.). *The Rule of Law History, Theory and Criticism*. The Netherlands, Springer, 2007, pp. 210–218.

10. Gorodova O.N. Problems of enforcing and interpreting the norms of the criminal law on fraud. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki = Fundamental & Applied Research of the Coop Sector of Economy*, 2016, no. 5, pp. 97–100. (In Russian).

11. Mardanshin R. *Moshennichestvo v sfere predprinimatel'skoi deyatel'nosti: istoriya i vyzovy* [Fraud in entrepreneurship activities: history and challenges]. Available at: <https://www.eg-online.ru/article/360905>. (In Russian).

12. Allan T.R.S. In Defence of the Common Law Constitution: Unwritten Rights as Fundamental Law. *The Law, Society and Economy Working Papers*, 2009, no. 5, pp. 1–8.

13. Yuzhin A.A. *Moshennichestvo i ego vidy v rossiiskom ugolovnom prave. Avtoref. Kand. Diss.* [Fraud and its types in Russian criminal law. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2016. 35 p.

14. Veremeenko M.V. The Object of Fraud in Entrepreneurial Activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2014, no. 4 (14), pp. 44–49. (In Russian).

15. Garmash A.M. About Fraud in Entrepreneurial Activity. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2012, no. 3, pp. 162–165. (In Russian).

16. To the Question About the Concepts of «Business Activities» and «Entrepreneur» in the Criminal Law. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 12, pp. 115–119. (In Russian).

17. Gorelov A.P. *Ugolovno-pravovaya okhrana sfery predprinimatel'skoi deyatel'nosti kak napravlenie obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii. Dokt. Diss.* [Criminal law protection of entrepreneurship as a sphere of ensuring Russia's economic security. Doct. Diss.]. Moscow, 2004. 340 p.

18. Mironchik A.S., Borovkov A.A. Non-fulfillment of Contract Obligations as a Sign of a Fraud in the Sphere of the Business Activity. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2017, no. 3 (243), pp. 92–100. (In Russian).

19. Stepanov M.V. The Contradictions in the Mechanism of Legal Property Protection From Fraudulent Attacks Committed in the Sphere of Entrepreneurial Activity. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practical: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2015, no. 1 (29), pp. 174–178. (In Russian).

20. Veremeenko M.V. The Subject of Fraud in Entrepreneurial Activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2015, no. 1 (15), pp. 39–45. (In Russian).

21. Lyapunova A.V. Actual Problems of Legal Regulation of the Stage of Initiation of Criminal Cases on Crimes in the Sphere of Business and other Economic Activities. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2017, vol. 7, no. 5A, pp. 179–187. (In Russian).

22. Kotandzhyan O.A., Kucherkov I.A. Fraud in the Business Sphere: Law Enforcement Issues and Evidence. *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2015, no. 3 (36), pp. 93–96. (In Russian).

23. Krasnikov A.S. New Articles about Fraud: Prediction of Application in Practice. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2013, no. 4 (37), pp. 179–182. (In Russian).

24. Aleksandrova I.A., Urakov D.I. Criminal Procedure Reform as a Component of Change of Criminal Anti-Fraud Policy in the Sphere of Business and other Economic Activities. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2015, no. 3 (31), pp. 32–35. (In Russian).

25. Garmishev J.V., Kuznetsov V.I. Swindling in the Area of Business: the Social-legal Nature of Criminal Liability, Prospect of a Legislative Regulation. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2017, no. 3, pp. 46–53. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Якимова Екатерина Михайловна — доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Института государства и права Байкальского государственного университета, магистрант (образовательная программа «Финансы и финансовые институты»), кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: yakimova_katerin@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Якимова Е.М. Концепция свободы предпринимательской деятельности через призму уголовно-правовой характеристики мошенничества / Е.М. Якимова // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 2. — С. 291–299. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).291-299.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yakimova, Yekaterina M. — Ass. Professor, Chair of Legislative Support of National Security, Institute of State and Law, Baikal State University, Postgraduate student (Master's Degree «Finance and Financial Institutions»), Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: yakimova_katerin@mail.ru.

FOR CITATION

Yakimova E.M. The concept of freedom of enterprise through the prism of criminal law characteristics of fraud. *Vserossiiskii krimonologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 291–299. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).291-299. (In Russian).